

А. В. АДО, ПРОФЕССОР
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Д. Ю. Бовыкин

Среди отечественных историков Французской революции XVIII в., Анатолию Васильевичу Адо принадлежит особое место. Войдя в науку в конце 1950-х годов, снискав заслуженное уважение российских и зарубежных коллег капитальным трудом по истории крестьянства¹, став профессором Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, а позднее и одним из признанных лидеров советского франковедения нового времени, он в то же время оказался и едва ли не последним крупным советским историком этого периода, продолжившим традиции знаменитой «русской школы» изучения истории Франции и создавшим свою собственную школу, из которой вышли многие его ученики.

В будущем году Анатолию Васильевичу исполнилось бы 75 лет. Его путь в науке уже стал предметом нескольких специальных публикаций², поэтому в здесь мне бы хотелось сделать основной акцент на «человеческом измерении», показать А.В. прежде всего как человека, которого знали, любили и уважали те, кому довелось с ним общаться. К сожалению, основой для статьи не могли стать его дневники в собственном смысле этого слова: сохранились лишь отрывочные записи в двух рабочих тетрадях – по большей части, выписки из различных книг и статей. Вместе с тем, портрет А.В., который сложился из воспоминаний людей, хорошо его знавших еще со времени учебы в университете и аспирантуре (Ю. А. Борко, И. Е. Городецкой, И. В. Григорьевой, О. Г. Обичкина, Л. Г. Обичкиной, В. П. Смирнова, Е. Ф. Язькова), его коллег (А. В. Гордона, М. В. Силаевой, А. И. Строганова, А. В. Чудинова, И. В. Шевлягиной) и учеников (Е. М. Кожокина, Е. И. Лебедевой, Е. О. Обичкиной, А. В. Ревякина, А. И. Тэвдо-

¹ *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971. Второе издание, доработанное и дополненное: *Он же.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987.

² *Смирнов В.П., Федосова Е.И.* Анатолий Васильевич Адо // Вестник московского университета. Серия 8. История. 1996. № 5; *Смирнов В.П.* Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995) // НиНИ. 1997. № 1; *Smirnov V., Fedosova E.* Hommage à Anatoli Ado // АНRF. 1998. N 311.

Бурмули, Е. И. Федосовой)³, получился весьма многогранным. В этом-то и состоит, на мой взгляд, его особая привлекательность, и я искренне благодарен тем, кто нашел время со мной побеседовать.

Анатолий Васильевич появился на свет в Казани 8 января 1928 г. Семья его принадлежала к интеллигенции⁴, отец, Василий Иванович, преподавал историю в казанских вузах. Учился А.В. на отлично, закончил школу с золотой медалью и когда в 1945 г. принял решение поступать на Исторический факультет МГУ, это не вызвало в семье удивления. Правда, сначала отец, по себе зная, каково приходилось историкам в 30-е годы, не очень хотел, чтобы сын пошел по его стопам. И как сам Василий Иванович долгие годы интересовался Французской революцией XVIII в. и даже собирался писать по ней кандидатскую диссертацию, так и А.В. знал уже с десятого класса, что станет заниматься именно этой темой (Е. И. Федосова).

Учась на первом набранном после войны курсе истфака, А.В. во многом повторял судьбу других своих сверстников: активно занимался общественной работой (хотя никогда и не был «активистом», стремящимся сделать карьеру), ходил в туристические походы, летом ездил в колхоз на сельхозработы. В то же время, «на истфаке Толя был одним из очень заметных студентов, а потом аспирантов» (Ю. А. Борко), «легко и быстро вошел в студенческую жизнь, приобрел новых друзей, много бродил по Москве и хорошо ее изучил, с удовольствием занимался»⁵. Те, кто общался с ним тогда, отмечают, что А.В. был строен, высок, белокур, с пышной шевелюрой, хорошо танцевал. Обаяние, красивый голос, хорошее воспитание обеспечивали А.В. успех у девушек.

Специализируясь в Франции, Адо слушал лекции С. Д. Сказкина, Е. В. Тарле, А. З. Манфреда. В 1949 г. он записался в специальный семинар Б. Ф. Поршнева, прославившегося своей докторской диссертацией о на-

³ Аудиозаписи бесед Д. Ю. Бовыкина с Ю. А. Борко (10 апреля 2002 г.), А. В. Гордоном (10 апреля), И. В. Григорьевой (25 марта), Е. М. Кожокиным (19 апреля), Е. И. Лебедевой (19 апреля), О. Г. Обичкиным и Л. Г. Обичкиной (22 апреля), Е. О. Обичкиной (18 апреля), М. В. Силаевой (4 апреля), В. П. Смирновым и И. Е. Городецкой (11 марта, 8 апреля), А. И. Строгановым (9 апреля), А. И. Тэвдоем-Бурмули (1 апреля), Е. И. Федосовой (28 апреля), А. В. Чудиновым (24 апреля), И. В. Шевлягиной (9 апреля), Е. Ф. Языковым (23 апреля), а также письмо А. В. Ревякина от 23 мая хранятся в личном архиве автора. Самому автору также посчастливилось быть учеником Анатолия Васильевича, готовить под его руководством диплом, а затем и кандидатскую диссертацию.

⁴ Подробнее об истории его семьи и детских годах А.В. см. воспоминания его отца: *Адо В. И.* Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7. С. 34–60. № 8. С. 40–58. № 9. С. 41–53. № 10. С. 95–109. № 11. С. 97–108. № 12. С. 112–120.

⁵ *Смирнов В. П.* Указ. соч. С. 188.

родных восстаниях во Франции второй четверти XVII в.⁶ Под его руководством Адо защитил в 1950 г. дипломную работу на тему «Мелье и Вольтер» и поступил в аспирантуру. Тема его кандидатской диссертации – «Крестьянское движение во Франции в первые годы Французской буржуазной революции конца XVIII века».

В. П. Смирнов вспоминает, что сама подобная проблематика для Адо, как для человека городского, была весьма не проста. Поршневу помогал с источниками, рекомендовал необходимую литературу, но его научное руководство имело и свои особенности. Они встречались, Адо нередко бывал у него дома, однако самого текста диссертации Поршневу не читал и не правил.

По словам Ю. А. Борко, в аспирантские годы А.В. работал весьма интенсивно, «но это сочеталось со свиданиями, походами в театр, кино. Часто встречались по 15–25 человек на дому у тех, у кого жилищные условия были получше», разговаривали, пели. Часто ходили в туристические походы – на два-три дня, с палатками. И по-прежнему А.В., «как магнит, притягивал девушек».

Сразу после аспирантуры, еще до защиты диссертации, состоявшейся в январе 1954 г., А.В. начинает работать на кафедре новой истории (вскоре переименованной в кафедру новой и новейшей истории), которая состояла тогда всего из семи человек. В том же году ему поручено чтение одного из основных курсов на факультете – общего курса по новой истории стран Европы и Америки, с 1640 по 1871 годы.

Жил тогда Адо на Ломоносовском проспекте, в новом здании, построенном Университетом для преподавателей напротив кинотеатра «Прогресс», в одной комнате с И. П. Дементьевым. В. П. Смирнов отмечает, что на письменном столе Адо, в отличие от его товарища по комнате, «все было разложено в строжайшем порядке», «койка всегда была застелена тщательнейшим образом, как полагалось». К лекциям он также готовился заблаговременно, знакомясь с литературой, делая выписки, составляя конспект. А.В. был человеком очень организованным и добросовестным, но, в то же время, открытым, «жизнерадостным, веселым, смешливым». Женился он в 1957 г.⁷, в один день с И. П. Дементьевым. Свадьбу праздновали вместе, и В. П. Смирнову запомнился тост, который произнес тогда Адо: «За наших жен, которые вывели нас из хлева холостяцкой жизни».

Жилищные условия после свадьбы были, как у многих, весьма скромными: сначала комнатка в коммуналке, где и родился их сын Андрей, потом маленькая двухкомнатная квартирочка, которая казалась настоящей роскошью.

⁶ Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.-Л., 1948.

⁷ На Марине Александровне Лебедевой.

После того, как в период «оттепели» возобновились длительные научные поездки советских ученых за рубеж, не разрешавшиеся с начала 30-х годов, Адо в 1962 г. стал одним из первых, кто получил годовую командировку во Францию. В. П. Смирнов, побывавший в такой же командировке годом позже, рассказывает, что сбор необходимых документов тогда начинался за несколько лет до поездки, но до самого конца так и не было уверенности, что она состоится. Одних только медицинских справок требовалось чуть ли не десятков. Формально группу для отправки создавало Министерство высшего и среднего образования – разумеется, об индивидуальной поездке не было и речи. В такой группе назначались староста, парторг, комсорг, были в ней и кураторы от КГБ.

Несмотря на инструкции, предписывавшие по возможности меньше общаться с иностранцами (удачная идея при научном обмене!), А.В. не только много работал в архивах, но и активно знакомился с французскими историками. Не обходилось без курьезов. В. П. Смирнову запомнился рассказ А.В. о первом визите к Альберу Собулю – одному из ведущих в то время историков Французской революции. Ведя ни к чему не обязывающий светский разговор, Собуль как бы случайно упомянул одного из членов Конвента – причем в ошибочном контексте. А.В. его вежливо поправил. Собуль потянулся за справочником – тогда А.В. столь же вежливо заметил, что в первом издании этого справочника действительно допущена ошибка, во втором же она исправлена. Услышав это, Собуль отложил справочник в сторону: «Я все понял, давай будем на «ты» и приходи ко мне завтра». Собуль таким образом убедился, что А.В. – не агент КГБ. А Э. Леруа-Ладюри потом якобы даже сказал: «Все советские историки – агенты КГБ, может быть, кроме Адо» (Л. А. Пименова).

В Париже А.В. легко сошелся с коллегами, нередко собиравшимся у Собуля в его квартире на Нотр-Дам-де-Шан: Ричардом Коббом, Куахиро Такахаши, Армандо Сайттой, Клодом Мазориком, Ги Лемаршаном. Впоследствии он много и очень колоритно рассказывал своим ученикам об этом времени⁸, научных дискуссиях и дружеских пирушках (Л. А. Пименова). Адо, в частности, вспоминал, что как-то вечером, когда не хватило вина, Собуль встал и торжественно произнес: «*La maison de Soboul est dés-honoré*»⁹ (И. В. Шевлягина).

Собуль оказал А.В. огромную поддержку, ввел его в круг французских историков, занимавшихся сходной проблематикой, и А.В. навсегда остался ему за это признателен. До самой смерти Собуля в 1982 г. их связывали тесные дружеские отношения, «его привлекал Собуль, как очень яркая

⁸ Некоторые высказывания А.В. позволяют догадываться, как полагает А. В. Ревякин, что в его намерения входило написать что-то вроде мемуаров о своих встречах со многими замечательными людьми, в том числе с Собулем, Веркором и другими.

⁹ Дом Собуля обесчещен (франц.).

личность, привлекала искрометность, которая в нем была» (Л. А. Пименова), хотя порой ему и «казалось, что Собуль, Мазорик искусственно себя обедняют, ограничивая свое общение только коммунистической средой» (Е. О. Обичкина). Последняя их встреча состоялась в том же 1982 г., когда Собуль после избрания почетным доктором МГУ, приезжал в Москву.

«29.03.82 – 12.04.82 – был здесь А. Собуль с Marie-Helène¹⁰. Были насыщенные две недели, он, конечно же, яркий, неординарный человек, моих девочек – студенток и аспиранток – покорила, особенно И. Берго и Милу Пименову». 27.04.82¹¹

Общение А.В. во Франции не ограничивалось кругом историков «якобинского» направления. В те же месяцы он познакомился с Эмманюэлем Леруа-Ладюри, Жаком Ле Гоффом, Франсуа Фюре и многими другими. Впервые побывав в Париже много лет спустя, в 1995 г., я хорошо помню, как имя Адо открывало любые двери. Очень тепло и с большим уважением отзывался о нем Ф. Фюре. Уже тяжело болея и удалившись от дел, Ж.-Р. Сюратто прислал мне письмо с подробными ответами на все вопросы, поскольку «не хотел разочаровывать ученика своего старого друга Адо»¹². К. Мазорик подчеркивал, что будет рад встретиться со мной – «рекомендация моего друга Адо не может не быть принята во внимание»¹³.

О своих впечатлениях от французской жизни А.В. много писал друзьям. «У меня было от его писем ощущение огромного душевного подъема», – вспоминает В. П. Смирнов. Однако Франция оказалась для А.В. не только той страной, которую он изучал, – он нашел там друзей, чувствовал себя в «чудном городе Париже»¹⁴ абсолютно непринужденно, много и с удовольствием гулял, сидел в кафе. И впоследствии нередко рассказывал об этой стране своим коллегам и ученикам. «Когда он говорил о Франции, возникало некое цельное ощущение страны, что очень важно для человека, который ей занимается, – вспоминает А. И. Тэвдой-Бурмули. – Он знал Францию, любил Францию, любил материю, плоть Франции. Мог долго рассказывать об устрицах, о вине, о видах, о ландшафтах», об аграрном мире – «быте, типе потребления, ритме жизни». А.В. очень ценил французскую кухню и со вкусом повествовал о ее блюдах (Л. А. Пименова), говорил, что «во Франции даже воздух другой»¹⁵.

Многим запомнилось, что Адо любил и саму французскую речь, с удовольствием говорил по-французски. Когда во время визита Собуля в Мо-

¹⁰ Мари-Элен – подруга А. Собуля.

¹¹ Из рабочей тетради А. В. Адо. Далее – курсивом, без ссылки на источник.

¹² Письмо от 16 марта 1995 г. Из личного архива автора.

¹³ Письмо от 18 мая 1995 г. Из личного архива автора.

¹⁴ Письмо от 15 апреля 1995 г. Из личного архива автора.

¹⁵ Письмо Г. Н. Канинской автору от 5 апреля 2002 г.

скву Адо довелось его переводить, коллеги даже шутили, что «il est plus français que Soboul lui-même»¹⁶ (И. В. Шевлягина).

Я хорошо помню, как перед моей первой поездкой во Францию, А.В. не жалея времени, долго сидел со мной над картой Парижа, рассказывая про него с огромной любовью. Примешивалась к этому и грусть: он очень лирично говорил о том, что *первое* посещение Парижа не может сравниться ни с чем, это те неповторимые ощущения, которые уже не вернутся. «Ведь это навсегда, – писал он мне позднее во Францию. – Впечатления, новые знания, связи с людьми, знание Парижа, этого великого города, равного которому нет в мире»¹⁷. Схожие письма получал и находившийся там в одно время со мной (тоже впервые) другой его ученик – А. В. Тырсенко, и расстановка в них приоритетов мне видится весьма характерной для Адо: «Рад, что идет хорошо Ваша работа, и в то же время Вы успеваете посещать достопримечательности Парижа и Франции. Последнему особенно рад – Париж по-своему единственный в мире город, а Франция – страна великой и созданной для человека цивилизации»¹⁸.

Вернувшись в Москву после плодотворной работы во французских архивах, Адо приступил к подготовке своей докторской диссертации.

Докторских защит в те годы на кафедре почти не было. «Подготовить докторскую работу стоило больших усилий, большого труда, и не всякий, в особенности в таком молодом еще возрасте, был на это способен» (И. В. Григорьева). Адо исполнилось тогда всего 40 лет, и он защищался первым из нового поколения историков. У всех у них обсуждение диссертаций шло очень тяжело, далеко не все на кафедре это приветствовали, «палки в колеса вставляли на каждом шагу» и А.В. из-за этого «очень переживал» (М. В. Силаева).

Однако сама защита диссертации на тему «Крестьянское движение во Франции накануне и во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века», состоявшаяся летом 1968 г., «стала настоящим праздником» (И. В. Григорьева). О том, как был принят этот капитальный труд, основанный на богатейшем архивном материале, можно судить по рецензиям на его издание в виде книги, вышедший три года спустя, когда А.В. уже получил звание профессора. «Серьезным и ценным исследованием, важным достижением советской историографии Великой французской революции»¹⁹ назвал его В. М. Далин. Большой статьей откликнулся А. Собоуль, отметивший в диссертации А.В. «теоретические размышления,

¹⁶ Он больше француз, чем сам Собоуль (франц.).

¹⁷ Письмо от 10 мая 1995 г. Из личного архива автора.

¹⁸ Письмо от 4 апреля 1995 г. Из личного архива А. В. Тырсенко.

¹⁹ НиНИ. 1972. № 3. С. 184.

опирающиеся на глубокие знания»²⁰. И даже в довольно ироничной по отношению к советским историкам американской рецензии говорилось, что эта книга «значительно менее догматична, чем большинство советских исследований»²¹.

Однако монография (и диссертация) – это уже итог определенного этапа в жизни и научной деятельности Адо. А путь к ним был далеко не таким простым и прямым, каким он видится сейчас. Вспоминая о своей первой встрече с А.В. весной 1958 г., когда тот приехал к старейшему ленинградскому специалисту по истории Революции Я. М. Захеру посоветоваться по поводу перевода уже упоминавшейся выше книги Собуля, А. В. Гордон говорит, что Адо показался ему одновременно деловым, светским, но в научном плане довольно одиноким.

Вторая встреча А.В. с Гордоном состоялась зимой 1959 г., когда Захер отправил своего ученика в Москву узнать, нельзя ли поступить в аспирантуру при МГУ. Александр Владимирович вспоминает, что на его вопрос о том, какие есть пути в науку, Адо искренне ответил: «В науку о Французской революции никаких путей нет. Если вы хотите заниматься исторической наукой, переходите на другую тематику» – совершенно трезвая оценка, в которой, как мне казалось, был и личный опыт, это было выстрадано». Совет Адо ни в коей мере не связан со стремлением избавиться от конкуренции. Начинающему историку, действительно, было нелегко найти свою нишу: Французской революцией в те годы занималось очень много исследователей.

Несмотря на это, Адо еще до защиты докторской диссертации обладал немалым авторитетом среди коллег. Его перу принадлежит ряд статей в Большой советской энциклопедии²², а когда в самом начале 60-х годов родилась идея (наверняка исходившая от Б. Ф. Поршнева) подготовить многотомный труд по истории Французской революции, непростая задача написать его проспект²³ была поручена именно Адо²⁴, хотя в проекте участвовали и такие признанные корифеи, как А. З. Манфред, В. М. Далин, Я. М. Захер, В. П. Волгин. О размахе этого труда можно судить хотя бы по

²⁰ *Soboul A. A propos d'une thèse récente. Sur le mouvement paysan dans la révolution française // АНRF. 1973. № 211. P. 101.*

²¹ *The American Historical Review. 1975. Vol. 80. № 1.*

²² Например, статьи: Талья; Термидорианский переворот; Третье сословие; Флери; Форбонне; Фрерон // БСЭ. 2-е изд. Т. 41, 42, 43, 45. М., 1956.

²³ Проспект коллективного труда «Великая Французская буржуазная революция XVIII века» в трех томах. (Общий объем – 150 листов). АН СССР, Институт истории, 1962. 82 с. Автор благодарит А. В. Чудинова, предоставившего ему уникальную возможность ознакомиться не только с самим проспектом, но и с протоколами заседания редколлегии, которые вела Г. С. Черткова.

²⁴ Правда, на одном из заседаний Поршнев назвал себя «соавтором» этого проспекта. Протокол заседания от 6 июля 1962 г.

тому, что первый том доходил лишь до июня 1789 г., включая в себя такие, прямо скажем, далекие от революционной тематики главы, как «Развитие народов Азии, Африки, Америки» и «Итоги культурного развития человечества». Это был воистину глобальный проект, в духе Б. Ф. Поршнева, – экономика, международные отношения, общественная мысль, наука и техника, французское Просвещение (начиная с конца XVII в.), литература, архитектура, театр, музыка, быт и нравы. Характерно, что хронологически он заканчивался 1799 г. Как видно из протоколов заседаний редколлегии, приоритет, отдаваемый проблемному принципу в ущерб хронологическому, и общая схожесть с хорошо известным изданием 1941 г. вызвали возражения у Манфреда и Далина²⁵. К тому же, по мнению Манфреда, высказанному как-то в разговоре с А. В. Гордоном, в таком виде получалось исследование уже не собственно по истории Французской революции, а по всемирной истории. В итоге проект был похоронен, что А.В. очень огорчило.

Конец 1960-х годов отмечен и иными научными спорами – печально известным противостоянием так называемой «московской школы» историографии Революции и ленинградского профессора В. Г. Ревуненкова. Не вдаваясь в подробности (данной дискуссии посвящена специальная статья в этом же выпуске Ежегодника), отмечу, что позиция Адо была здесь не столь однозначной, как у его старших московских коллег: после выхода книги Ревуненкова «Марксизм и проблемы якобинской диктатуры»²⁶ А.В. искренне заинтересовался выдвинутыми в ней тезисами. А. В. Гордон вспоминает, как Адо тогда заметил: «Саша, вы знаете, а все-таки работа серьезная». Да и на самом симпозиуме, хотя А.В. принципиально и критиковал Ревуненкова, он, в большей степени, постарался собрать воедино и систематизировать противостоящие точки зрения. И в отличие от других признавал, что «в работах Ревуненкова есть наблюдения, которые вызывают интерес; во всяком случае, они побуждают к новому размышлению над проблемами»²⁷.

Рискну предположить, что в дискуссии с В. Г. Ревуненковым мы видим весьма характерное для А.В., стремление к разумному компромиссу и нежелание участвовать в политических баталиях. И это, как мне представляется, объяснялось не столько мягкостью его характера, сколько высоким порогом терпимости: А.В. готов был оценить хорошо и интересно сделанную работу, от кого бы она ни исходила.

Несомненно, французские историки-марксисты были ему близки не только в научном, но и в человеческом плане. «Рад, что среди ученых, с которыми Вы встречаетесь, – Claude Mazauric, – писал Анатолий Василье-

²⁵ Французская буржуазная революция 1789–1794. М., 1941.

²⁶ Ревуненков В. Г. Марксизм и проблемы якобинской диктатуры. Л., 1966.

²⁷ Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // ФЕ. 1970. М., 1972. С. 295.

вич А. В. Тырсенко. – Он умен, знающ, да и просто для меня это человек, с которым я дружен уже тридцать с лишним лет»²⁸. И в то же время Е. И. Лебедева вспоминает, что первыми работами о Революции, с которыми А.В. просил ее познакомиться, были труды Ф. Фюре и статья Д. Рише²⁹. Другое дело, что если в 1960–1970-х гг. Адо хорошо относился к Ф. Фюре лично, но далеко не во всем был с ним согласен, то многие отмечают, что к концу жизни А.В. «постепенно приближался к Фюре» и в научном плане (В. П. Смирнов). Е. И. Федосова вспоминает, что в последние годы А.В. даже говорил: ««А ведь Фюре был прав!» Запомнилась оброненная Адо на эту тему фраза и А. В. Гордону: «А все-таки Фюре – умный. Умнее, чем я думал».

«В среду, 17.09, заходили Т. Кондратьева и Клавдюшка³⁰; все те же, Тамара – в семинаре у Фюре (!)...». 22.09.80

А.В. неизменно испытывал уважение и интерес к школе «Анналов». М. Блок, Ф. Бродель «были для него, я думаю, авторитетами первой величины именно как образец научной корректности и научной компетентности, – вспоминает А. И. Тэвдой-Бурмули, – как воплощение качества метода. Пусть это не его метод, но это метод, доведенный до филигранности. Как эстет он не мог этого не ценить». Когда Фюре приехал с лекциями во французский коллеж при МГУ, Адо пригласил его к нам на кафедру, и первые вопросы были именно про школу «Анналов». Фюре отвечал в обычной для него афористично-ироничной манере и на вопрос о том, что сегодня представляют из себя «Анналы», не задумываясь бросил: «Это люди, которые ездят на работу в одном лифте». Когда же А.В. с хитрецей спросил Фюре, кого тот считает основателем «Анналов», то в ответ услышал: «Тюсидид»³¹. Повисло молчание. Некоторые, и я в том числе, пытались сообразить, что же это за французский историк – не М. Блок, не Л. Февр, – которого Фюре столь уверенно зачислил в родоначальники. И лишь В. П. Смирнов, наклонившись к уху Адо, прошептал: «Расслабься, Толя, это Фукидид».

В ракурсе упомянутого огромного интереса к современной западной историографии, весьма показательна большая серия статей на эти сюжеты, начатая Адо еще в 60-е годы³². Е. О. Обичкина полагает, что А.В. в прин-

²⁸ Письмо от 16 апреля 1995 г. Из личного архива А.В. Тырсенко.

²⁹ *Richet D. Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme. Annales. 1969. № 1.*

³⁰ Т. С. Кондратьева – первая аспирантка Адо. Клаудио Ингерфлом – ее муж, также заканчивавший кафедру Новой и новейшей истории МГУ. К тому времени оба они уже переселились во Францию.

³¹ Thucydide.

³² См., например: *Адо А. В. Французские историки о перспективах развития исторической науки // ВИ. 1960. № 8; Он же. Французская буржуазная революция и современ-*

ципе «был открыт к западной историографии», считал, что она «заслуживает самого пристального внимания», занимался ею много и охотно. В частности и потому, что волна новых исследований, написанных на ином, нежели ранее, уровне, заставляла пересматривать привычные представления о Революции. «Его это очень интересовало, и мне кажется, что он считал нужным открыть это для советских историков. Причем открыть именно своим пером, все-таки благожелательным. Он мог полемизировать, но на научном уровне».

Не меньший интерес Адо испытывал и к тем публикациям по истории Революции и даже шире – XVIII века, которые выходили у нас в стране, старался, по мере возможности, читать все, что публикуется на русском по его сюжетам, тем более, что с большинством коллег Адо связывали и теплые личные отношения. Манфред и Далин с удовольствием были оппонентами на защите Адо (А. В. Гордон), многие историки постоянно приходили к А.В. советоваться, давали почитать свои еще не опубликованные работы (А. В. Чудинов). Сам Адо с симпатией отзывался о Манфреде (А. В. Гордон), «очень почитал» Далина «за его скрупулезность» и погружение в источники (Е. И. Лебедева). «Все его высказывания о Манфреде и Далине были проникнуты уважением и теплотой» (А. В. Ревякин).

Уважение коллег видно и по тем делам, в которых А.В. было предложено принять участие: он выступал на международных конгрессах историков и многочисленных коллоквиумах у нас в стране и за рубежом, «с успехом читал лекции в Сорбонне, в университетах Будапешта, Сегеда, Лейпцига и Руана»³³. Работы Адо публиковались во Франции, Германии, Италии, Португалии, США³⁴, он был членом редколлегии журналов «Новая и новейшая история», ANRF (Франция), «Komparativ» (Германия).

Говоря о роли и месте Адо в отечественном франковедении, разумеется, опрометчиво было бы пытаться их точно обозначить. Несомненно лишь, что он пользовался огромным авторитетом, и к середине 1980-х годов уже «воспринимался как мэтр, бесспорный лидер корпорации историков, занимающихся Французской революцией, как самый авторитетный специалист» (А. В. Чудинов).

Несмотря на то, что А.В. безусловно формировался как историк-марксист и методологические ориентиры всегда оставались для него крайне важны (А. В. Гордон), налицо и значительная эволюция, которая прослеживается как по его работам, так и по воспоминаниям людей, которые хо-

ная идеологическая борьба // ВИ. 1973. № 5; Он же. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики /// НиНИ. 1981. № 3. См. также написанные Адо главы в: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1990.

³³ Смирнов В. П. Указ. соч. С. 204.

³⁴ Там же.

рошо его знали. Многие отмечают, что в начале своей карьеры А.В. был романтиком революции (Е. Ф. Язьков), «очень высоко отзывался о якобинцах, очень сочувствовал якобинцам в их порыве» (А. И. Строганов). Однако уже тогда, как и ряд других молодых преподавателей факультета, Адо был далек от догматизма и числился в «ревизионистах», что «было совершенно не почетно» (В. П. Смирнов). Впоследствии же явно «ощущалось его стремление как-то разрешить для себя лично противоречие между стремлением к свободному научному поиску и условностями официальной идеологии», полагает А. В. Ревякин, которому Адо как-то прямо сказал в разгар «застоя», что, по его мнению, «социализм не смог решить проблему свободы научного творчества».

Небезынтересно, что, занимаясь «классической» крестьянской темой, своим ученикам Адо давал сюжеты, весьма не типичные для советской историографии того времени. В. П. Смирнов: «Голя первый начал заниматься правыми во Французской революции», да и не только правыми, но в целом не якобинцами. Так, например, Л. А. Пименова под его руководством защитила диссертацию о дворянстве накануне Революции³⁵, Т. С. Кондратьева – об А. Барнаве³⁶, А. В. Тырсенко – о фельянах³⁷, Э. Е. Гусейнов – о жирондистах³⁸, да и мою собственную тему никак не назовешь традиционной³⁹. И когда к 200-летию Революции Адо удалось организовать издание целой серии книг «Великая французская революция. Документы и исследования», этот широчайший спектр нестандартных сюжетов проявился в ней весьма объемно⁴⁰.

Научная эволюция Адо хорошо видна при сравнении первого и второго изданий его монографии. А. В. Гордон подчеркивает, что во втором изда-

³⁵ *Пименова Л. А.* Социально-политическая программа дворянства Франции накануне Великой французской революции (По материалам наказов Генеральным штатам 1789 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

³⁶ *Кондратьева Т. С.* Историко-социологические идеи Антуана Барнава. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

³⁷ *Тырсенко А. В.* Политическая группировка фельянов эпохи Великой французской революции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

³⁸ *Гусейнов Э. Е.* Формирование политической группировки жирондистов в период Законодательного собрания (2-я половина 1791–1-я половина 1792). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

³⁹ *Бовыкин Д. Ю.* От Термидора к Директории: политическая борьба вокруг принятия Конституции III года Республики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

⁴⁰ *Кожокин Е. М.* Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985; *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; *Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987; *Буржуазия и Великая французская революция.* М., 1989; *Документы истории Великой французской революции.* М., 1990–1992. Т. 1–2; *Смирнов В. П., Посконин В. С.* Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991.

нии Адо существенно расширил повествование о 1793–1794 гг. – ранее в этой части преобладал рассказ об аграрной политике якобинцев, и дополнил свой труд крайне важной главой об аграрных итогах Революции, вписывая «крестьянскую революцию» в общее аграрное развитие Франции и сопоставляя ее с другими путями модернизации, в частности, с классическим английским.

Отметим, что еще до выхода первого издания монографии Адо вопрос о роли крестьянства в Революции вызывал оживленные дискуссии историков. Основная проблема здесь заключалась в «прогрессивности» крестьянского движения: было ли оно направлено против Старого порядка или, условно говоря, «феодализма» в пользу развития капиталистических отношений в деревне (и, тем самым, вписано в марксистскую концепцию Революции, как решающего этапа на пути перехода от феодализма к капитализму) или же консервативные тенденции в среде самого крестьянства не позволяют сделать подобный вывод. Разрешая это противоречие, крупнейший специалист по аграрной истории Франции Ж. Лефевр выдвинул предположение о том, что в рамках Французской революции существовала своя, автономная «крестьянская революция», одновременно и «прогрессивная», и консервативная, направленная против развития капитализма в деревне на базе крупных хозяйств⁴¹.

Согласно концепции Адо, подкрепленной множеством источников, «все крестьянство решительно отвергло ту программу компромисса со старым порядком в аграрной сфере, с которой начинали и вели революцию в первые ее годы либеральное дворянство и умеренная буржуазия»; напротив, «оно во многом сумело навязать буржуазной революции свои решения»⁴². При этом крестьянские выступления не укладывались в единое русло, были многомерны. Три вида борьбы – против феодальных повинностей, за хлеб и за землю – хотя и имели немало точек соприкосновения, порой обладали своей внутренней логикой, различались по участникам и противникам. В целом же Адо выделял внутри общего крестьянского движения несколько «жакерий», которые, по крайней мере, в аграрной сфере, и двигали революцию вперед, заставляя радикализировать законодательство.

В то же время к сделанным в книге 1971 г. достаточно осторожным выводам о том, что «даже на высшем этапе революции пожелания деревенских низов были законодательно санкционированы лишь отчасти» (хотя революция, безусловно, «расширила и укрепила позиции мелкой крестьянской собственности»)⁴³, в 1987 г. добавляется и иное утверждение: «Круп-

⁴¹ *Lefebvre G. Les paysans du Nord pendant la Révolution française. P., 1972; Idem. Questions agraires au temps de la Terreur. CTHS, 1989.*

⁴² *Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция. С. 357.*

⁴³ *Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. С. 400, 411.*

ная земельная собственность (наряду с мелкой) осталась одной из основ аграрного строя Франции, при этом в руках крупных владельцев находились обычно земли лучшего качества»⁴⁴.

И это лишь один из примеров. Подобная эволюция не была оставлена без внимания и рецензентами. Так, например, Е. О. Обичкина в своей рецензии отмечала, что «общее движение исторической науки [...] потребовало с течением времени корректировки некоторых положений книги, внесения в нее необходимых добавлений, смягчения иных, может быть, чересчур категоричных утверждений»⁴⁵. Отзывы, опубликованные в *Cahiers d'Histoire*⁴⁶ и «Вопросах истории»⁴⁷ также были весьма благоприятны. «Эта работа вошла в число классических, – отмечает Е. Ф. Язьков. – И стала одной из самых серьезных монографий, изданных нашей кафедрой».

При этом нельзя не упомянуть, что уже в рецензии на первое издание книги В. М. Далин отмечал: Адо, к сожалению, «ограничился всего лишь несколькими строками» о Вандее, тогда как «название книги обязывало автора писать и о теневых сторонах этого движения»⁴⁸. Действительно, это не может не вызывать удивления: показывая крестьянскую революцию, Адо практически ничего не пишет о крестьянской «контрреволюции», тем более, как вспоминают В. П. Смирнов, и Л. А. Пименова, среди архивных материалов, с которыми А.В. работал во Франции, подобных свидетельств было немало. А. В. Гордон рассказывает, что когда Адо демонстрировал ему свои архивные выписки, то на вопрос, есть ли у него документы по Вандее, ответил: «Знаете, Саша, там ведь в каждом департаменте была своя Вандея. Сколько у меня материала по революционному движению крестьянства, столько же могло быть и по контрреволюционному движению. Но нельзя же объять необъятное».

Как полагает А. В. Гордон, в этом действительно была своя логика: Адо рассматривал крестьянство под совершенно определенным углом, как движущую силу *революции*, и присоединить к этому данные по крестьянской *контрреволюции* было физически невозможно, тогда как «Адо был человек очень целостный». Надо было писать отдельную книгу, и специальный труд по Вандее Адо действительно планировался на рубеже 80-90-х годов. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Выход двух изданий монографии А.В. еще более подчеркнул довольно парадоксальную ситуацию: работа А.В. была широко известна не только в нашей стране, но и за рубежом, успела стать классической, однако иностранные исследователи вынуждены были судить о ней лишь по уже упо-

⁴⁴ Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция. С. 373.

⁴⁵ НиНИ. 1989. № 2. С. 222, 224.

⁴⁶ *Cahiers d'Histoire*. 1997. № 66.

⁴⁷ ВИ. 1990. № 4.

⁴⁸ НиНИ. 1972. № 3. С. 184.

минавшейся статье А. Соболя, а также ряду статей и выступлений самого А.В. на различных международных коллоквиумах⁴⁹. Хотя еще с 1970-х годов при поддержке Соболя предпринимались попытки перевести монографию на французский язык, раз за разом они терпели неудачу⁵⁰.

Вплоть до самого конца, как рассказывает С. Абердам, под чьей редакцией перевод в итоге увидел свет⁵¹, эта идея «страдала от недостатка средств и отсутствия всеобъемлющей компетентности. Русский язык, французский язык, Французская революция, аграрные проблемы, французская топонимия, обратный перевод на французский множества цитат предполагали совершенно различную квалификацию, которая редко бывает у одного человека»⁵². Я сам хорошо помню, сколько усилий мне потребовалось, чтобы объяснить французам значение в общем-то привычного для нас термина «осереднячивание деревни», встретившегося на страницах книги. Менялся сам текст монографии, менялись переводчики. На финальном этапе из-за недостатка финансирования перевод делался людьми, хорошо знающими русский язык, но слабо знающими реалии XVIII в., и С. Абердаму приходилось существенно его редактировать – по вечерам, параллельно с подготовкой собственной диссертации. Помнится, я был немало удивлен таким подвижничеством и даже спросил, что его заставляет вкладывать в эту работу столько времени и средств. И услышал: «Эта книга *должна* выйти на французском»⁵³.

Редактирование нескольких вариантов перевода и связанные с ним хлопоты отнимали у А.В. множество сил, которые, в частности, могли бы быть потрачены на продолжение научных исследований. Когда в итоге перспектива издания стала реальной, времени на то, чтобы существенно дополнить текст уже не хватало, и А.В. писал, что в основном вносил лишь «небольшие добавления», но одновременно и переживал: «Главное – чтобы были учтены все те исправления и «вставки», которые я прислал»⁵⁴. Конечно же, он понимал, и достаточно рано, что эта монография останется главным трудом его жизни. В. П. Смирнов вспоминает, как, даря ему свою

⁴⁹ См., например: *Ado A. Mouvement paysan et le problème de l'égalité dans la Révolution française. 1789–1794 // Contribution à l'histoire paysanne de la Révolution française. P., 1977; Idem. Probleme der «Bauern-revolution» in der Großen Revolution der Französer // Bauern und burgerliche Revolution. Berlin, 1985; Idem. Sur le mouvement paysan pendant la Révolution française // Cahiers d'histoire de l'Institut de recherches marxistes. 1991. № 6.*

⁵⁰ В. П. Смирнов вспоминает, что велись переговоры и об английском издании – очевидно, безрезультатно.

⁵¹ *Ado A. Paysans en Révolution. Terre, pouvoir et jacquerie 1789–1794. P., 1996.*

⁵² *Aberdam S. Au sujet de la présente traduction // Ibid. P. XVII.*

⁵³ Немногим позже вышел в свет и немецкий перевод: *Ado A. Die Bauern in der Französischen Revolution 1789–1794. Leipzig, 1997.*

⁵⁴ Письмо от 10 мая 1995 г. Из личного архива автора.

книгу, Адо сказал: «Я понял, что другой такой книги мне не написать». Я стал говорить, что ему всего 43 года и значительная часть жизни еще впереди, но он ответил: «У меня просто не хватит сил для того, чтобы снова столько же работать в архивах»⁵⁵. И действительно, во время своей первой командировки во Францию А.В. работал в архивах днями напролет, от открытия до закрытия.

«Прочел первый роман Ч. Сноу «Поиски». [...] Интересно описана радость научного открытия; герой – Мэйлз – безгранично счастлив, это сходно с тем чувством, когда он доставлял радость обладания своей любимой женщине». 29.07.81

Однако, как мне представляется, дело было не только в силах, хотя перенесенный А.В. в 1979 г. первый инфаркт (за которым последовали еще два) и заставлял рассчитывать их более экономно – крайне сложно было получить самую длительную командировку во Францию. В дальнейшем же работать во французских архивах так долго Адо уже не довелось.

Помимо выхода обновленного издания монографии, вторая половина 80-х годов была отмечена для Адо и значительным пересмотром взглядов на советскую или, если брать шире, марксистскую историографию, к которой он в полной мере себя причислял. А. В. Чудинов вспоминает, что когда обсуждал с А.В. одну из своих статей, где весьма критически отзывался о робеспьеристской историографии, А.В. несколько обиженно сказал: «Я ведь тоже робеспьерист». Тем не менее, на «круглом столе», состоявшемся в мае 1988 г. в ИВИ РАН и приуроченном к 200-летию революции, Адо отмечал, что «в марксистской историографии уже ряд лет существует потребность в новом осмыслении целого ряда проблем истории Французской революции, в поисках новых подходов, обновлении проблематики, пересмотре некоторых схем». Помимо этого, Адо поставил несколько вопросов, давно уже назревших для отечественной историографии: о том, что революция не закончилась в 1794 г., «о диалектике разрыва и преемственности в истории Французской революции», о недооценке преобразований 1789–1792 гг.⁵⁶

На мой взгляд, в тех главах, которые писались им для университетского учебника по новой истории⁵⁷, эти моменты были уже во многом учтены. Однако годом позже, на международной конференции «Французская революция и европейская цивилизация», развивая уже высказанные идеи, А.В. подвергает критике и еще один аспект советской историографии револю-

⁵⁵ Смирнов В. П. Указ. соч. С. 203.

⁵⁶ Адо А. В. О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 7 и след..

⁵⁷ Новая история стран Европы и Америки. Первый период / Под ред. А. В. Адо. М., 1986.

ции – ее «якобиноцентризм»⁵⁸. В какой-то мере, полагает А. В. Гордон, «это была и самокритика».

Уже с этого времени Адо, по словам А. В. Чудинова, во многом воспринимался в научном сообществе как человек, «который своим авторитетом прикрывает все новшества». По крайней мере, работам самого Александра Викторовича, с которым Адо нередко бывал не согласен в концептуальном плане, он неизменно оказывал живейшую поддержку. Так, например, когда среди некоторых членов редколлегии «Новой и новейшей истории» негативный резонанс получила вышедшая в этом журнале статья о Ш. Корде⁵⁹ и стали выяснять, кто дал разрешение на публикацию, Адо все взял на себя и заявил, что статья вышла с его согласия. «А в том, что касалось революции, у него в редколлегии был авторитет беспрекословный, его воспринимали как высшую инстанцию». «Было ощущение, – резюмирует А. В. Чудинов, – что есть кто-то старший, самый мудрый, который все знает, который прикроет. Ошибешься – поправит, собьешься с пути – подскажет. Когда он умер, будто черная дыра разверзлась».

Помимо научной деятельности, немалую (если не основную) часть времени А.В. уделял преподаванию в Московском университете. Многие до сих пор вспоминают его лекции: живые, образные, с множеством ярких деталей. А. И. Строганов: «Он мне чем-то напоминал Ледрю-Роллена на трибуне. Его лекции, пожалуй, больше всех мне нравились на нашем факультете». Читал А.В. в артистичной манере, был великолепным оратором, «выделялся из всех. Какую тему не возьмет, умел интересно ее поставить». Лекции были очень насыщенные, хотелось записать их от начала до конца. По словам Александра Ивановича, к Адо ходили на лекции даже с других факультетов, «особенно девушки» – «они были от него без ума».

Другим немаловажным качеством А.В., которое в полной мере проявилось в преподавании, был неподдельный интерес к собеседнику, кем бы тот ни был – студентом или академиком. Он «был очень чутким, восприимчивым, внимательным к чужой точке зрения. Очень внимательно слушал, умел слушать, никогда не показывал, что он мэтр» (А. В. Чудинов). Е. М. Кожокин вспоминает, насколько А.В. «удивил его своей манерой проведения семинаров. Ему было интересно, как думают его студенты, даже когда они ошибаются, даже когда они говорят глупости», важно было понять, «почему эта глупость возникла», чтобы впоследствии ее было меньше. «В итоге это был семинар, где говорили все». И, как показывают записи в тетрадях, которые он вел по каждой семинарской группе⁶⁰, интерес А.В. был совершенно неподдельным.

⁵⁸ Адо А. В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о французской революции. Памяти В.М. Далина. М., 1998. С. 312.

⁵⁹ Чудинов А. В. Шарлота Корде и смерть Марата // НиНИ. 1993. № 5. С. 242–244.

⁶⁰ Автор благодарит М. А. Лебедеву за возможность с ними ознакомиться.

Это умение слушать проявлялось в той форме, которую избирал А.В. для общения со своими студентами и аспирантами. Давая задание на одну-две недели (обычно, особенно в начале работы, это был список книг и статей, которые необходимо прочесть), он при встрече не стремился сразу задавать вопросы – чтобы не задать ими ответ. Он просто говорил: «Я вас слушаю». Выкрутиться было невозможно – требовалось «иметь собственное видение проблемы, чтобы ее изложить (Е. О. Обичкина).

А.В. неизменно стремился к четкости. Как в его лекциях за разнообразием фактов никогда не терялась «красная нить», общая идея, так и студентов он учил, что у любой работы, будь то статья или диссертация, обязательно должен был быть стержень (М. В. Силаева). В. П. Смирнов вспоминает, что и свои статьи А.В. «расписывал по мельчайшим пунктам», план составлял несколько страниц, долго обдумывался. И лишь потом, когда необходимая ясность и четкость была достигнута, Адо садился и за два-три дня писал статью.

Подобной ясности мысли он требовал и от учеников. Е. О. Обичкиной запомнилось, как, приступая к разговору о будущей диссертации, А.В. просил: «Изложите мне в двух словах, чему она будет посвящена». И понятно, что если у тебя нет своей концепции, нет своего видения, ты будешь говорить два часа. Потому что изложить в двух словах – это значит иметь определенный уровень осмысления проблемы».

Занимался с учениками А.В. обычно дома, в уютном кабинете – с приглушенным светом, книгами на полках, большим письменным столом и бумагами по всем углам. При этом за стол не садился, устраиваясь в глубоком кресле под торшером, у журнального столика, и предлагая занять кресло напротив. Это сразу создавало спокойную, доверительную атмосферу, особый комфорт, позволяло расслабиться. Нередко А.В. предлагал чашечку кофе или чай с сушками. Книги были тут же, под рукой, и Адо щедро ими делился (а, на мой взгляд, у него была едва ли не лучшая библиотека книг по Французской революции в Москве, многие с дарственными надписями от друзей и коллег).

«Те, кто у него работал, – вспоминает Е. О. Обичкина, – я так думаю, не могли халтурить, потому что это был не тот стиль: было стыдно перед ним лично, потому что он максимум делал для того, чтобы обеспечить вам все возможные условия для работы. Нет книг – берите мои, нет журналов – берите мои, нет идей – ну, тут уже извините, я ожидал от вас большего». И действительно, я знаю это по себе, признаться в отсутствии идей, не суметь донести какую-то свою мысль было невероятно стыдно, хотя на моей памяти А.В. никогда не сердился, не злился, не повышал голоса – он умел дать это понять абсолютно корректно и вежливо. Но не начать работать в этой ситуации было решительно не возможно.

Готовя эту статью, я задавал всем его ученикам один и тот же вопрос: «Что лично вам дал Анатолий Васильевич?». И ответы показались мне весьма характерными. Помимо постоянной поддержки – рекомендации статей в различные издания, помощи при устройстве на работу и в организации заграничных поездок – рискну высказать предположение, что каждый получил от него именно то, чего ему не хватало.

Я приведу здесь лишь несколько ответов на этот вопрос. Е. И. Федосова: «Учил тому, чтобы понять, как сюжет вписывается в общую картину. Не просто описать, а увидеть, зачем это было нужно». Е. И. Лебедева: «Он ввел меня в специальность. Я ему обязана абсолютно всем, от начала и до конца». Е. М. Кожокин: «Исключительное внимание к фактам – умение проверять информацию, искать информацию, не доверять информации, которая содержится только в одном источнике, стараться ее перепроверить». Это была в целом истфаковская школа, но наиболее ярко ее воплотил Адо. А. И. Тэвдой-Бурмули: «Возможно, это банально, но он дал мне метод, причем не столько и не только конкретный метод, методологию, сколько в принципе подход к тому, как занимаются наукой, как пишут», научил писать. «Он сделал стройным мышление, и за это я ему признателен до сих пор». Сам же я могу сказать, что А.В. всегда старался мне не позволить погрязнуть в копании в деталях, замкнуться в рамках узкой, локальной темы и заплатить за доскональность отсутствием выхода на обобщения, без которых работа, быть может, и оставалась интересной, но становилась никому не нужной. Жаль, что в полной мере мне удалось это осознать, когда А.В. уже не стало.

Независимо от объема работы – будь то статья или диссертация – А.В. всегда читал ее не один и не два раза, а «когда возвращал статьи и главы, там подчас его текста было вдвое больше, чем исходного» (Л. А. Пименова). Е. О. Обичкина вспоминает, как на первом варианте ее статьи все оборотные стороны листов были исписаны не только пометками и замечаниями, но и советами, что еще стоит прочесть, над чем еще следует подумать. И она «составляла список дополнительного чтения по этим оборотным сторонам».

«Невероятная суета без конца. Читаю главы, дипл[омные] раб[оты] [...] и т.п. До дела руки не доходят». 03.03.82

При всей своей мягкости, Адо во многом был бескомпромиссен в стремлении довести тексты своих учеников до той стадии, когда их уже можно защищать или публиковать. Е. О. Обичкиной запомнился случай с ее первой аспирантской статьей, посвященной историографии проблемы. Работа над ней шла довольно тяжело, начинать именно с историографии оказалось невероятно сложно, и после многочисленных переделок она как-то заметила А.В., что у нее уже нет больше ни сил, ни желания улучшать этот

текст. Но услышав в ответ совершенно спокойное: «Жаль, Женя, вы столько над ним работали», поняла, что Адо скорее согласится «похоронить» статью, нежели отдать ее в печать, не доведя до должного уровня. Однако обычно А.В. предпочитал, на мой взгляд, обходиться полутонами, намеками, иронией – скорее давая понять, в чем он видит недостатки, нежели говоря это прямо.

Общаясь с учениками, А.В. обычно не ограничивался разговорами на научные темы – говорили и просто о жизни, он много рассказывал, в том числе и о Франции. А. И. Тэвдой-Бурмули: «Он давал мне советы: «Всегда носите с собой записную книжку. Мысль может прийти в голову где угодно. Не теряйте ее, запишите». Он учил гигиене научной деятельности. Учил размеренности, удобству, в конечном итоге, и эффективному результату». Е. О. Обичкина: «Очень следил за тем, чтобы люди максимально использовали свой интеллектуальный потенциал, чтобы у них все инструменты уже были в руках», советовал учить и другие иностранные языки, не только французский.

Общение не прекращалось и после того, как Адо формально переставал быть научным руководителем: многие перезванивались с ним, встречались, по-прежнему давали почитать свои статьи. «Пишите мне, мне очень интересно, – подчеркивал Адо в письме к А. В. Тырсенко в Париж, – как идет Ваша работа, как складывается вообще Ваша парижская жизнь, с кем из коллег Вы общаетесь и т.д.»⁶¹.

Хотелось бы отметить, что нам весьма импонировал сам стиль общения, который задавал А.В. – он казался не просто преподавателем старой школы, во многом именно так мы представляли себе «дореволюционного» профессора – неизменно уважительного, корректного, галантного. Е. О. Обичкина также отмечает его «потрясающий стиль общения со студентами: с одной стороны, необычайная требовательность и абсолютная бескомпромиссность, а с другой – очень большая человеческая теплота. Это было сочетание, которое напоминало стиль общения старых, дореволюционных профессоров, которых мы видели в кино». Наверно, добавляет она, в какой-то степени и он это видел в кино. «Это сознательное стремление быть великолепным учителем и заражать студентов своим интересом к предмету и было свойственно, наверно, старой школе».

Весьма любопытным мне представляется и случай, рассказанный А. В. Гордоном. Как-то, уже живя в Измайлово, Адо в шутку сказал: «Вот раньше на двери была бы табличка: «Профессор Московского университета Анатолий Васильевич Адо». А в другой раз обронил, что профессор Московского университета, императорского университета, был по Табели о рангах статским советником. «Конечно, он понимал, – добавляет

⁶¹ Письмо от 16 апреля 1995 г. Из личного архива А. В. Тырсенко.

А. В. Гордон, – что между профессором МГУ им. Ломоносова и профессором Московского императорского университета была большая разница, но ему хотелось статусно определять себя именно так». Заметим, что в многочисленных туристических походах во второй половине 70-х–80-е годов и друзья звали А.В. просто «профессор».

По большому счету, статуса профессора Университета ему действительно было достаточно – когда Адо предлагали баллотироваться в члены-корреспонденты АН СССР, ему это было приятно (Е. И. Федосова), однако он отказывался, «для него казалось отвратительным ходить, просить, собирать все эти бумаги» (В. П. Смирнов). Несколько раз предлагали перейти на другую работу, в том числе, руководить изданием серии по истории социалистической мысли в ИМРД (Е. М. Кожокин) – он вновь отказался. А когда после первого инфаркта В. П. Смирнов спросил у А.В., не стоит ли ему уменьшить учебную нагрузку, перейдя на научную ставку, Адо ответил: «Я очень люблю преподавать».

Не стремился он и к административным постам. Лишь раз, после долгого размышления, дал согласие занять должность заместителя декана по учебной работе, считая, что может многое сделать для факультета, но не сложилось. А когда после ухода И. С. Галкина в 1980 г. обсуждалось, кто станет новым заведующим кафедрой, и называлось в числе других профессоров и имя Адо, тот шутливо, но весьма трезво сказал: «Если меня выберут, я сам с ума сойду и всех с ума сведу» (В. П. Смирнов). Не в последнюю очередь А.В. не был приспособлен к административной работе и из-за высочайшего чувства ответственности, для него не было неважных, проходных дел. М. В. Силаева вспоминает, как в бытность заместителем заведующего кафедрой, Адо долго правил даже стандартный научный отчет, который до того всегда делался по шаблону – правил до тех пор, пока все формулировки его не устроили. «К каждой, даже примитивной работе, он подходил творчески». Кроме этого, единственный пост, который А.В. долгое время занимал, – во многом неофициальная должность руководителя кафедральной группы по истории Франции, Италии и Греции; и к ней он также относился со всей ответственностью.

Столкновения с бюрократией нередко вызывали у него затруднения. Блестящий ученый и преподаватель, он мог потратить немало времени на заполнение простейших бумаг. Когда надо было написать какое-нибудь заявление, нередко просил образец: «Дайте мне бумажку, с которой я спишу слова» (М. В. Силаева). А как-то во Франции В. П. Смирнов стал свидетелем того, как А.В. пять раз, уже приходя в отчаяние, переписывал таможенную декларацию – то написание имени не совпадало с загранпаспортом, то что-то еще. И потом, когда они, наконец, добрались до зала ожидания, стало «тихо, спокойно, можно никуда не спешить, все ясно, То-

ля сказал: «Вот так-то можно ездить, я бы так и ездил, а как вспомню, как визы получать и характеристики писать, то я больше так не могу».

Второе слово, которое сразу приходит на ум тем, кто хорошо знал Адо – это слово «либерал». А. И. Строганову запомнились его собственные шуточные слова: «Мне бы быть таким либеральным помещиком – сидеть, мечтать, ходить». Во многом это, несомненно, была мечта о свободе – от суетности, от быта, от текучки.

«Поучительно – Эрве Базен Супружеская жизнь – о растрачиваемой по мелочам жизни, о тщете и пустоте жизни, отданной повседневной житейской суете». 01.04.74

К этому времени романтика революции уже осталась в прошлом, да и сам он «не был революционером – он был либералом» (Е. И. Федосова).

Искренний интерес к людям, который в полной мере проявлялся при работе со студентами, был характерен для А.В. и в отношении с коллегами. А.В. умел создать вокруг себя удивительно теплую и дружескую атмосферу, «друг другу все вокруг него улыбались» (Е. О. Обичкина). Делал это он совершенно естественно – «он вообще естественный был человек» (Ю. А. Борко), но в некотором роде и намеренно. Е. М. Кожокину запомнилось, как однажды А.В. сказал ему, что кафедра – очень хрупкий организм, там люди очень далеких друг от друга взглядов. «Но, тем не менее, мы нормально сосуществуем и нормально сотрудничаем, как профессионалы, однако это стеклянное сооружение, которое можно разбить. И желательно, чтобы даже мелкие камешки туда не попадали – могут побежать трещины». «Он ценил космос, в котором жил, – добавляет Е. М. Кожокин. – И таким космосом была для него кафедра».

Думаю, что не будет преувеличением сказать, что Адо искренне любил и кафедру, и тот коллектив, который на ней сложился. Когда организовывались поездки для преподавателей по разным городам страны – от Михайловского до Новгорода, от Архангельска до Углича, он неизменно принимал в них участие, а блокнотик, куда записывал планы подобных поездок и просто общих встреч, называл «книжечкой приятных перспектив» (Е. И. Федосова). Был он душой и более узкой компании, в которую входил ряд преподавателей кафедры, и запомнился своим друзьям как «непосредственный, искренний, живой, интересующийся всем» человек, любящий отдохнуть, помечтать, пофилософствовать в комфорте, на ниве природы (А. И. Строганов).

«Были на даче в Зеленоградской у Э. Э. Литавриной. Были В. П. Смирнов, Машенька⁶², Е. И. Федосова, подъехали И. П. Дементьев, А. И. Строганов с женою. Косили траву, сидели у костра, и, как всегда сейчас за интеллигентским застольем, много и не без споров разговаривали... Это был хороший, насыщенный день...» 04.07.81

⁶² М. В. Силаева.

Он вообще очень любил жизнь, это был настоящий «водопад жизни, интеллекта... Все он делал красиво. Он красиво ел, красиво закидывал ногу на ногу, красиво листал книги, красиво танцевал, красиво говорил тосты, красиво ухаживал. Он красиво относился к жизни, он понимал, что главное в жизни – это сама жизнь» (Е. И. Федосова).

И. В. Шевлягина называет А.В. «полифоничным человеком». «Он любил музыку, знал искусство, живопись. С ним чрезвычайно интересно было всегда». Очень любил беседовать, прогуливаясь по Москве, и великолепно знал ее.

«Ю. Олеша. Повести и рассказы. М., 1965. [...] с. 377 Здорово – И. Ильф о себе – «вы знаете, я – зевака! Я хожу и смотрю» – вертя в разные стороны головой,.. заглядывая, оборачиваясь, останавливаясь, ходил Ильф по Москве. Он ходил и смотрел». 12.09.79

Помнится, гуляя, он мог прочесть целую лекцию. И при этом за красотами архитектуры и историческими памятниками не упускал и красоту самой природы. Не могу не привести вот такую вставочку из делового, по сути, письма научного руководителя своему аспиранту: «Пришла очень ранняя весна; дни в основном сырые, сумрачные, слякотные, но порою так заголубеет вдруг небо, солнце улыбнется и пахнет в лицо легкий, свежий весенний воздух, особенно у меня в Измайлово. Сразу приходит в голову, что хорошо все-таки жить»⁶³.

Обаятельный, улыбчивый, душа компании – таким помнят его коллеги. Искренне получавший наслаждение от женского общества – М. В. Силаева вспоминает, что как-то в начале 70-х Адо 8 марта пришел в университет с портфелем, полным фиалок, и с удовольствием дарил их всем женщинам, работавшим на кафедре.

Высоко ценивший внутреннюю интеллигентность, которая всегда позволяет оставаться собой: мне рассказывали, что в Университете Адо иногда целыми днями ходил голодным, но не пользовался буфетом, где все преподаватели имели право подходить помимо общей очереди. И когда его спрашивали, почему, отвечал: «Вы знаете, мне неудобно подходить без очереди, а стоять мне некогда» (М. В. Силаева). Эту же интеллигентность, он умел оценить и разглядеть в других людях.

«Была Галя Черткова; поистине редчайший ныне тип совершенно бескорыстного, честнейшего человека, и интеллигентность старого, доброго времени». 04.10.79

И, в то же время, как мне видится, в душе А.В. всегда были свои уголки, куда он не пускал никого, даже самых близких друзей.

«Из интересных воспомин[аний] В. Смирновой⁶⁴ – как он выносит такое колоссальное общение? А вот – даже на шумных встречах – между ним и этими людьми – как

⁶³ Письмо от 24 марта 1995 г. Из личного архива автора.

⁶⁴ Из книги «Воспоминания о Корнее Чуковском». М., 1977.

бы стеклянная перегородка...: он давал людям любоваться собой; развлекал их, а сам оставался наедине с собой, – от того и не уставал от людского натиска»... 01.10.79

«Он был просто очень яркой личностью», – говорит И. В. Шевлягина.

Последние 10 лет жизни А.В. были отмечены не только переменами в жизни всей страны – они, как и многих, затронули и его лично. Конечно, уже с 60-х годов А.В. трудно было назвать «правоверным» коммунистом. «Потом брежневский застой, – вспоминает В. П. Смирнов, – это уже вызывало сильное отвращение. Как-то поехали к Литавриной на дачу, зашли в магазин, а там портрет Брежнева с пятью звездами. И Адо сказал: «Я больше не могу! Ну что же это такое! Это же полный идиотизм!».

«Любопытные заметки Ф. Бурлацкого Междуцарствие или хроника времен Дэн-Сяопина в «Новом мире» № 4, 1982. О нынешнем Китае – но во многом то, что он говорит о Китае, перекликается с проблемами и нашими тоже.

С. 217 «Самая страшная болезнь, которая распространилась во всей политической системе страны и проникла во все поры китайского общества, это ложь и фальшь как норма политической жизни»...» 10.05.82

Во время путешествий, продолжает В. П. Смирнов, приехали в маленький городишко, шли по маленькой грязной центральной улочке – и тут женщина вылила прямо на дорогу ведро помоев. Адо воскликнул: «Боже мой! Вот это наше, это все наше!».

«Вчера – ездил на дачу к И. П. Дементьеву, кооператив «Красная Новь», дача 1935 г., отличный домик с печью, прекрасное место, тихо, сосны, и т.п.

Не хотел бы я иметь такую дачу? Пожалуй, и нет! Собственность обременительна во всех отношениях, тем более в дремучих условиях нашей цивилизации». 22.07.81

Перестройку он безусловно принял, радовался происходившим переменам, говорил, что ему нравятся новшества в учебном процессе, то, что он смог давать семинары по М. Блоку, Л. Февру, Ф. Броделю⁶⁵. С интересом читал «толстые» журналы, публиковавшие запрещенные до того романы и повести (Е. И. Федосова), много размышлял над сталинской эпохой, искал истоки и причины того, что происходило в 1930-е годы.

«30 год (это же подлый процесс «Промпартии») – вообще, очевидно, начало систематического истребления всего лучшего в русской интелл[игенции], всех, способных думать и потому ненавистных и подозрительных малограмотному и тупо-хитрому рук[оводст]ву страны – Сталин и его подручные». 06.11.88

На мой взгляд, эти воспоминания во многом преломлялись и через его личную судьбу, судьбу его семьи, которую, при всех нюансах, во многом можно считать и типичной. Напомним, что мемуары его отца были озаглавлены «Записки русского интеллигента XX века». Выйдя из образованной и благополучной семьи, Василий Иванович становится убежденным

⁶⁵ Письмо Г. Н. Канинской автору от 5 апреля 2002 г.

коммунистом, искренне принимает идеалы Октябрьской революции, чем, на мой взгляд, объясняется и его беспрестанный интерес к революции Французской. Сам же А.В. прodelывает, в известной степени, обратную эволюцию, характерную уже для *его* поколения: романтик революции в молодости, он постепенно, на протяжении всей жизни разочаровывается в коммунистических идеалах, по-иному начинает смотреть и на те события, свидетелем которых он сам являлся в юности

Потряс его и неудавшийся путч 1991 г., фактически сделавший А.В. «антикоммунистом» (В. П. Смирнов). Тогда же он произнес весьма, на мой взгляд, характерную фразу: «Я ненавижу всякие революции» (И. В. Шевлягина).

Адо не сожалел о кончине советской системы, хотя «то, что с ним произошло, было личным оскорблением и оскорблением науки» (А. В. Гордон). Реальная зарплата резко упала, жена долго и тяжело болела, Адо приходилось самому ходить по магазинам, он никак не мог привыкнуть к постоянно растущим ценам. Быт, от которого и раньше хотелось по возможности абстрагироваться, теперь давил еще больше, отнимал драгоценное время.

«... ходили с Мариной по хоз[яйственным] делам – овощ[ной] магазин, аптека, сберкасса, хоз[яйственный] магазин, потом Марина и Андрей – купили ему красивые туфли, и т.д. – такой хлопотливый суетный день». 12.05.82

Падал и престиж Университета, преподавания и, если угодно, того самого статуса университетского профессора, которым А.В. заслуженно гордился. После нескольких инфарктов стало физически не хватать сил. Тяготило Адо и то, что он многое не успевает. Помимо книги о Вандее, у него были планы довести исследование о крестьянстве хотя бы до 1799 г. (В. П. Смирнов), написать монографию о Старом порядке (Л. А. Пименова) – все это так и не реализовалось. Как вспоминает А. В. Ревякин, в эти годы Адо с грустью вспоминал то недалекое время, когда ему было около 40 лет: «Уже что-то умеешь делать и в то же время есть еще силы».

«Из воспомин[аний] В. М. Далина о Бабефе – «Анат[оль] Франс говорил, что старость наступает в 60 лет, но лучшие произведения «О[стро]в пингвинов», «Боги жаждут», «Восстание ангелов» – он написал после 65 лет»... (А. З. Манфред – после – 60-ти)». 09.09.79

Все меньше сил оставалось и на то, чтобы следить за новейшими исследованиями, которые в изобилии выходили к 200-летию Революции, временами появлялось даже ощущение определенного отставания (В. П. Смирнов).

«Повесть Галины Башкировой «Рай в шалаше или Татьяна день». «Звезда», №№ 1–2, 1979. Споткнулся – «Все стоящие мозги на виду, останавливаются – сразу видно» Верно! И – NB pour toi – надо избежать этой опасности!» 09.10.79

«Порядком устал и чувствую себя неважно, – писал он мне незадолго до смерти, в мае 1995 г., – так обычно бывает к концу учебного года, когда подходят к концу запасы энергии и сил»⁶⁶. Однако ни болезнь, ни возраст не заставили А.В. меньше времени уделять своим ученикам, больше себя щадить. Защиты его аспирантов следовали одна за другой. И едва ли не самое главное, Адо продолжал оставаться «человеком жизнерадостным, а то, что вступало с этим в противоречие, он, особенно в последнее время, старался отодвигать в сторону» (Е. И. Лебедева).

Одна из последних работ Адо – «Письмо профессору Шен Ченсиню» – была опубликована уже посмертно⁶⁷. В ней отмечается, что «по существу [...] советская историография Французской революции завершила свое существование. На смену ей идет становление новой, *российской* историографии Французской революции. Она не утрачивает преемственности с наиболее позитивным наследием историографии советской, но она принадлежит уже к иному времени и имеет свое особое лицо»⁶⁸.

Во многом А.В. пишет здесь и о своей собственной судьбе. Выходящие после его смерти книги ученики посвящают светлой памяти своего Учителя⁶⁹. Как и коллеги, и друзья, они вспоминают Анатолия Васильевича с огромной теплотой. И для многих, как мне видится, эти воспоминания порой являются своеобразным камертоном для того, что делают они сами, уже сейчас.

«Эти великолепные слова Канта, что самое удивительное в этом мире – «звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Удивительно емко – и – тут вся суть всех проблем!» 20.04.74

⁶⁶ Письмо от 10 мая 1995 г. Из личного архива автора.

⁶⁷ Адо А.В. Письмо профессору Шен Ченсиню // Вестник московского университета. Серия 8. История. 1996. № 5.

⁶⁸ Там же. С. 32.

⁶⁹ Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996; Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.